

Дорогой дядя Володя...

Переписка

Маяковского и Эльзы Триоле

1915–1917



Бенгт Янгфельдт

Dear Uncle Volodja...

Vladimir Majakovskij and Elsa Triolet:
Correspondence 1915–1917

Дорогой дядя Володя...

Переписка

Маяковского и Эльзы Триоле 1915–1917

Составление, подготовка текста,
предисловие и комментарии:

Бенгт Янгфельдт

Almqvist & Wiksell International

© Bengt Jangfeldt, commentaries
ISBN 91-22-01332-6
All rights reserved

Printed with a grant from Humanistisk-Samhällsvetenskapliga Forskningsrådet

Jangfeldt, B.

„*Dorogoj djadja Volodja ...*“ *Perepiska Majakoskogo i El'zy Triole 1915–1917*

(„Dear uncle Volodja ...“ Correspondence between Majakovskij and Elsa Triolet 1915–1917)

Stockholm 1990, 78 pp. + ill. ISBN 91-22-01332-6

The correspondence between the Russian Futurist poet Vladimir Majakovskij and Elsa Triolet (Kagan), the sister of Lili Brik, adds important pieces to our knowledge of the poet during the early years of his career. It is also a complement to the more voluminous correspondence between Majakovskij and Lili Brik, edited by B. Jangfeldt and published in 1982 (*Stockholm Studies in Russian Literature* 13).

Printed in Sweden by Gotab 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	7
Переписка 1915–1917	11
Эльза Триоле: О Маяковском	41
Комментарии	61
Указатель	77

Вместо предисловия

Жаркими летними днями 1896 года подруги Анна Якобсон и Елена Каган часто прогуливались вместе, с трудом взбираясь по крутым, извилистым переулкам Маросейки. Они были обе беременны, и с любопытством обсуждали, кто у них родится.

Осенью того же года в семье Каган родилась дочь, Эльза, – младшая сестра Лили, родившейся ровно пятью годами раньше; а у Якобсонов – сын, которому дали имя Роман. Всем троим суждено было сыграть в истории – и мифологии – литературы двадцатого века ведущие роли.

Паразитально, как на маленьком клочке земли, границы которого отмечены Маросейкой, с одной стороны, и Мясницкой, с другой, сконцентрирован большой кусок истории современной русской поэзии и науки о ней. Здесь родились и росли лучшие друзья Маяковского – „две сестры“ (так назывался прозаический замысел поэта) Лили и Эльза и тот же Роман Якобсон, действующие лица его жизненной и творческой биографии; здесь же, в доме Стахеева, с 1919 года жил и работал сам Маяковский, этажом выше Московского Лингвистического Кружка, расположенного в квартире родителей Якобсона, летом 1918 года покинувших Россию. Здесь в двадцатые годы жили лефовцы и вхутемасовцы, здесь находилась РОСТА и эстрада Маяковского – Политехнический музей.

О детстве, о родителях, о Лили, Романи Якобсоне и других, Эльза писала в книге *Земляничка* (Москва 1926). О Маяковском, и с Маяковским, говорит переписка между Эльзой и поэтом, публикуемая здесь впервые.

По воспоминаниям Эльзы, она познакомилась с Мая-

ковским осенью 1913 года, а переписка – та часть, которая сохранилась, – начинается в сентябре 1915 года, уже после того, как „дядя Володя“ полюбил сестру Лили и переехал в Петроград. Самый бурный период дружбы и любви Маяковского и Эльзы уже позади, но публикуемые письма ясно свидетельствуют о том, что чувства Эльзы к нему еще не остыли. Она ревнует Маяковского, недовольна тем, что он попал под влияние Лили.

Кончается переписка в марте 1917 года: революцией, ночными „шатаньями“ по улицам, вооруженным Романом Яacobсоном, арестовавшим шесть городских, только что вернувшимся из Петрограда, где на бриковской квартире был основан ОПОЯЗ.

А через год Эльза уезжает во Францию, чтобы выйти замуж за французского офицера André Triolet, с которым познакомилась в Москве. С Маяковским она встречается снова в Берлине в 1922 году, а потом каждый раз, когда поэт приезжает в Париж: в 1924, 1925, 1927, 1928 и 1929 годах. В 1925 и 1926 году они виделись в Москве.

Историю отношений Маяковского и Эльзы еще рано писать; ее возможно будет восстановить лишь после того, как будет открыт ее архив. В виде комментария к переписке предлагаю поэтому ту часть ее воспоминаний, которая относится ко времени переписки.

Первый вариант этих воспоминаний вышел по-французски в 1939 году: *Maiakovski. Poète russe. Souvenirs*. Это издание было уничтожено французской полицией и вышло вторично после войны, в 1945 году. В 1952 году появилось первое издание ее переводов Маяковского (*Vers et proses de 1913 à 1930*), которое потом выходило несколькими изданиями, дополненными новыми переводами и ее воспоминаниями о Маяковском.

В 1967 году Эльза Триоле организовала выставку „Жизнь Маяковского в иллюстрациях“ в одной из пригородных библиотек Парижа.¹ В 1975 году вышла в Стокгольме русская версия ее воспоминаний, написанная в 1956 году и предназначенная для второго, не вышедшего тома *Литературного наследия* о Маяковском.²

В последние годы жизни Эльзе Триоле пришлось отстаивать во французской печати естественное, казалось бы, право поэта на собственную биографию, издательски попранное на его родине.³ Это были ее последние слова о Маяковском, в защиту его – поэта и друга, которого она знала с шестнадцати лет и куда лучше большинства других, о нем пишущих.

Бенгт Янгфельдт

Переписка 1915–1917

I ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

Москва 19 $\frac{8}{IX}$ 15¹

Милый Владимир Владимирович, приехала Лили, говорили о вас.² Вспомнила доброе старое время, очень захотелось вас увидеть или хоть написать.

Так жалко мне, что вы теперь чужой, что я вам теперь ничему...³ Как то даже не верится, но так уж водится, что у нас с Лилей общих знакомых не бывает.

Ни за что не могла бы теперь с вами говорить, как прежде, вы меня теперь отчего то страшно смущаете: буду краснеть, путаться в словах и будет неловко ужасно.

Если б вы знали как жалко! Так я к вам привязалась и вдруг – чужой... .

Ну, ладно!

Писать совсем нечего, т.е. не знаю, что вам писать. Если-б не курсы⁴, то поехала-б в Питер. Нервничаю страшно, видеть никого не могу, как вспомню, что надо будет разговаривать, страшно встретиться.

Вы, конечно, не ответите, Владимир Владимирович, да и меня обуяла такая робость, что не могу себе этого представить. Бог с вами!

Привет

Эльза.

Не забывайте!

II ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

Москва 19²¹/_{IX} 15¹

Милый Владимир Владимирович, спасибо большое за книжку². Была бы совсем рада, если бы не уверенность, что это была Лилина идея мне ее послать. Вам бы низачто не догадаться.

Разговоров и споров из за „Облака в штанах“ ужас как много. Удивительно, ведь есть же умные люди, которые так глупо, так глупо спорят и ругают! Даже возражать не хочется.

В Москву не собираетесь?

Жалко, что вы не пишете. Приятно было бы время от времени получать от вас весточку.

Привет

Эльза.

Вам Лили передала благодарность за телеграмму?
Привет Лили и Осе.

III ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

Москва 19 $\frac{7}{X}$ 16¹

Милый дядя Володя, спасибо за книгу², я ею прямо упиваюсь. Кроме того, что вообще хорошо, она так много мне напоминает. Почти на каждой странице встречаю старого милого мне знакомого. Все помню, где, когда от тебя слышала.

Старость пришла, что-ли, полюбила все то, что было.

Ты должно быть знаешь, что И.³ женился? Надеюсь, ты не болтал лишнего по этому поводу? Лили что то уж очень усиленно его ругает, да и все ругают, кажется, кроме меня.

Был бы ты здесь я бы тебе много чего рассказала!

Во всяком случае я нисколько не страдаю, никакого до него дела нет.

А сердечные дела мои все по старому: кто мне мил, тому я не мила и наоборот. Уже отчаялась в возможности, что будет по другому, но это совершенно неважно. . .

Летом я было травиться собралась: чем больше времени проходило с тех проклятых дней тем мне становилось тяжелее, бывало невыносимо. . .

А теперь только все противно и ненужно.

Как только будет время поеду в Петроград. Раньше Рождества, должно быть, не выйдет. Очень хочется тебя повидать. А ты не приедешь?

Ах да, дядя Володя, знаешь, у жены И-а я случайно нашла карточку Марии Денисовой⁴. Оказывается, что они очень дружны. Ну не чудно ли? Меня почему то это страшно поразило.

Невольно пишу, будто ты ответишь. Это для тебя совершенно немыслимо? Я была бы так рада!

Целую тебя крепко

Эля.

Какая обида с трубкой!

Ты уж прости, что я пишу на таком огрызке.⁵

Василий Каменский⁶ в Тифлисе, если тебя интересу-ет. 20-ого сент. призывался, результаты – не знаю.

Ну и громадное же письмо вышло!

IV МАЯКОВСКИЙ – ЭЛЬЗЕ

[Петроград, 12.10.1916]¹

Милый Элик!

И рад бы не ответить на твое письмо да разве на такое нежное не ответишь?

Очень жалею что не могу в ближайшем будущем приехать в Москву приходится навремя отложить свое непреклонное желание повесить тебя за твою мрачность.²

Единственное что тебя может спасти это скорее приехать самой и лично вымолить у меня прощение.

Элик правда собирайся скорее!

Я КУРЮ.

Этим исчерпывается моя общественная и частная деятельность.

Прости за несколько застенчивый тон письма ведь это первое в моей двадцатитрехлетней жизни лирическое послание.

Отвечай сразу и даже если можешь несколькими письмами: я разлакомился.

Целую тебя раза два три
любящий тебя всегда

дядя Володя

[Поперек пустой страницы:]

Рад что ты поставил над твоим И точку³

V ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

19²²/_X16¹

Милый мой дядя Володя, не можешь себе представить, до чего я тебе благодарна за письмо. Никак не ожидала, что ты такая прелесть!

Я не заметила, что мое письмо к тебе вышло мрачным, я всегда такая.

Знаешь после прошлого года во мне появилась одна странность: я безумно, дико боюсь заболеть какой-нибудь болезнью, которая меня может выдать. Я не имею никаких причин этого бояться, и все же временами схожу с ума от беспокойства. Ну не глупо ли?

Решила взять себя в руки, выдумала для этого целую систему. Пока, в ожидании результатов упорно сижу дома и нахожу, что это очень приятно и хорошо.

Милый, дядя Володя, тебе никак нельзя приехать? Видишь ли мне очень не хочется ехать в Петроград: я совершенно не могу быть сплошь на людях, а у Лили это неизбежно. Жить в гостинице мама низачто не позволит. Так что, хотя мне и хочется всех повидать, очень хочется, я все таки вряд ли приеду, т.к. еще больше мне хочется быть одной.

Знаешь, наши курсы скоро получают права.² Важности во мне прибавится! Противно только, что тогда мне еще три года учиться. Конца нет! Невозможно себе представить, что будет через три года.

А ты мне еще напишешь? Очень бы это было хорошо! Я себя чувствую очень одинокой и никто мне не мил, не забывай хоть ты, родной, я тебя всегда помню и люблю.

Эля.

Дядя Володя, ведь правда это ненужно и стыдно много говорить о всяческих своих переживаниях? Кому какое дело до отвлеченных рассуждений на эту тему. . . Я знаю, людям забавны только факты, и, по моему, они правы, такое копанье в своих ощущениях изумительно ничтожно! Слишком редко человек достаточно исключителен, чтобы иметь право смотреть внутрь себя и выкладывать все это другому. Или нужно уж очень любить, хотя и тогда что то нехорошо. А вот от тебя, дядя Володя, я все приму, только ты не хочешь. Целую.

Э.

[Поперек начала первой страницы:]

Напиши свой адрес

VI МАЯКОВСКИЙ – ЭЛЬЗЕ

[Петроград, 1.11.1916]¹

Милостивая Г^{ня} Эльза Юрьевна!

Ваше отвратительное письмо я к сожалению получил. Будьте любезны вспомнить какие вы гадости пишете: „никак я не ожидала что ты такая прелесть.“ Напрасно! отвечу я вам на это с негодованием. 2) „я все таки вряд ли приеду т.к. еще больше мне хочется быть одной.“ Судите сами какая вы дрянь: вывели человека на нежность, а потом „я не приеду“. 3) Если вы на мои письма будете отвечать через десять лет по получению оных то я буду на ваши через двадцать. Сим письмом предлагаю вам или вовсе прекратить мне присылку ваших ужасных писем или немедленно оправдаться по следующему адресу: Петроград Надеждинская ул. д 52 к 9.

Готовый к услугам

Владимир Маяковский

P.S. Целую тебя милый Элик твой дядя Володя

VII ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

Москва 19 $\frac{2}{XI}$ 16¹

Дядя Володя, ты меня так ужасно напугал, что я вот только успела прочесть твое письмо и тут же села тебе писать. Все свои дела бросила . . .

Миленький, да как же мне оправдаться? В Петроград мне опять захотелось очень, но у меня нет денег, совсем никаких. Понимаешь, я у мамы теперь на жалованьи и у меня это плохо выходит! Ну, конечно, теперь мне страшно захотелось к вам . . .

Почему ты ничего не пишешь о себе, дядя Володя? Не умеешь? Но я тебе и так благодарна за то, что пишешь вообще . . .

У нас грязно, мокро и нет солнца. Я все мечтаю заболеть дня на два, ужасно я устала. Два раза промочила ноги и ничего, как с гуся вода. Ужасно обидно!

Собирался ко мне сегодня Лев Александрович², расскажет мне все про вас. Он что-то в меланхолии, Лили его не обижает? Можешь ей не передавать, что я тебя об этом спрашиваю.

Нового у меня ничего. Я все жду, не случится ли нечаянно чтонибудь хорошее, но ничего не случается.

Дядя Володя, я такая строгая стала! Только надолго ли . . .

Пожалуйста не ругай меня больше, по моему я очень с тобой ласковая, а ты все таки ругаешь. Я тебя очень люблю.

Целую тебя крепко

Эля.

Ты напишешь еще?

VIII ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

Москва 19 ~~10~~_{XI} 16¹

Милый дядя Володя, у меня скверный характер: писать мне хочется только когда случается какая нибудь гадость. Но ты не велишь писать мрачные письма и я послушно выжидаю время, когда все снова приходит в норму.

Первый мой проэкт в этом году, был на выставке одобрен. Не можешь себе представить до чего я была счастлива, я так потеряла всякую веру в себя... На радостях сижу дома и отдыхаю.

Была на выставке „Бубнового Валета“, правда видела мало, т.к. там было форменное народное гулянье, все-таки успела заметить Лентулова и Шагал. Шагал мне страшно понравился. Ты видел портрет Вермееля Лентуловым? Хороший очень. Чудак Лентулов: все хорошо, хорошо и вдруг такая безвкусица!²

Выставлялся Бурлюк, да я его прозевала.³

Все вспоминала о тебе на выставке, жалела, что ты так далеко.

А новостей никаких, жду от тебя писем.

Дядя Володя, все не знаю можно писать тебе всякую ерунду, вот как это письмо или писать только тогда, когда есть что рассказать?

Целую тебя крепко

Эля.

IX МАЯКОВСКИЙ – ЭЛЬЗЕ

[Петроград, 14.11.1916]¹

Милый милый Элик!

Долго и сочно смеялся над твоим перепуганным письмом.

Глупая! Получать твои письма одна из ⟨са⟩мых приятнейших ⟨ве⟩щей.

Пиши в каком ⟨хоч⟩ешь настроении ⟨и⟩ какой хочешь вздор. (Конечно нежный в первую очередь.)

Приезжай скорее. Напиши точно день и час этого светлого события.

Целую тебя (уже раза три четыре)

Володя

Х ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

Москва 19 $\frac{18}{XI}$ 16¹

Милый дядя Володя, я очень недовольна собой, окончательно решила, что никуда не пожусь! А ведь это неприятно, правда дядя Володя? И так скучно становится! . . .

Надоела себе страшно, а куда от себя уйдешь, некуда . . .

Ну вот, более существенных горестей нет, но ты не думай, что это хорошо, мне очень противно!

А ты что, дал себе зарок о себе ничего не писать? Видишь, я становлюсь требовательной: раньше благодарила за то что пишешь вообще, а теперь капризничаю . . . Но это я только так – пиши как нравится . . .

Знаешь, когда я очень хандрю, начинаю думать: дай выйду замуж. Но понимаешь в теории это так просто, а как доходит до дела, я ни минуты не сомневаюсь в том, что выйти невозможно, выйти замуж так, зря . . .

Дядя Володя, я на белом свете никого не люблю, не умею должно быть, ты вот очень счастливый . . .

К тебе у меня такая нежность, а все-таки так мне мертво и тихо. Хорошо бы на некоторое время совершенно потерять способность ощущать, сознавать, почти как бы спать. Хорошо бы!

Тебя целую крепко, крепко

Эля.

Пиши, так рада я твоим письмам!

[Поперек начала первой страницы:]

Я несколько раз убеждалась, что не следует писать слишком откровенно: бывает смешно и можно не поверить. Но, право, я тебе никогда ни словечка не написала не проверив себя в точности, так ли, верно ли. Только не всегда можно найти нужное слово, хотя я и очень стараюсь. Целую еще раз

Эля.

XI МАЯКОВСКИЙ – ЭЛЬЗЕ

16 19/ХІІ¹

Милый хороший Элик!

Приезжай скорее!

Прости что не писал. Это ерунда. Ты сейчас единственный кажется человек о котором думаю с любовью и нежностью

Целую тебя крепко крепко

Володя

„Уже у нервов подкашиваются ноги“²

[Поперек начала страницы:]

Ответь сейчас же
прошу очень

ХИ ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

19 $\frac{21}{\text{XII}}$ 16¹

Милый мой дядя Володя, пишу на тот случай, что не приеду. Ты так меня растревожил своим письмом, что я немедленно решила ехать. Я давно уже и думать забыла о поездке и как теперь все это устроить – прямо и не знаю.

Дело в том, что я поступила на службу на завод и, конечно, этим себя связала. Но очень постараюсь все-таки как-нибудь выбраться дня на три.

Может быть я приеду даже раньше, чем ты получишь письмо. Если поедem (мама тоже) то завтра.²

Да вот еще с билетами – беда. Словом забот куча.

Мне обязательно хочется тебя повидать! Я что-то такое чувствую в воздухе, что не должно быть и все, все время мысль о тебе у меня связана с каким то беспокойством.

Так и знай, дядя Володя, только для тебя и еду.

Целую тебя крепко, крепко, надеюсь послезавтра увидеть тебя.

Правда – это кажется невероятным?

Эля.

ХІІІ ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

Москва 19 ³⁰/_{ХІІ} 16¹

Мой милый, хороший Володя, не верится мне, что ты приедешь и душа у меня не на месте . . .

Разнервничалась до последней степени: в поезде плакала совершенно безутешно, мама и не знала, что ей со мной делать. Прямо стыдно! А все ты – гадость эдакая!

Доехали великолепно, дома никаких перемен.

Милый Володя, приезжай, не сердись на меня и не нервничай.

Такой большой, стыдно ведь, правда?

Жду тебя с нетерпением, люблю тебя очень.

А ты меня не разлюбил?

Если не приедешь, чего очень опасаясь, то напиши обязательно и скорей.

Ты был такой тихий на вокзале . . .

Целую тебя, родненький, крепко, крепко

Приезжай

Эля.

XIV ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

19⁴17¹

Дядя Володя, пиши же . . . Не приедешь ты, я знаю!

Мне что то грустно и сразу как то надоело жить на свете . . . Нездоровится.

Приехал бы ты, родненький!

С заводом у меня что-то не клеится, не везет во всем невероятно. За какое дело ни примусь – все из рук валится, не хочется. Верно, Володя, мне все прискучило . . . Даже выдумывать лень.

Я страшно подурнела, противно на себя смотреть.

Как у тебя там все? Жду тебя очень, неужели не приедешь?

Напиши хоть, что любишь меня по прежнему крепко.

Целую тебя, милый много раз

Эля.

XV МАЯКОВСКИЙ – ЭЛЬЗЕ

[Петроград, 5.2.1917]¹

„Там дом в проулке, весь в окошках;
Он Пятницкой направо от.
И гадость там на курьих ножках
Живет и писем мне не шлет.“
А.С. Пушкин²

Милый и дорогой Элик!

Что с тобой? Пиши. Скучаю без тебя.
Целую много

дядя Володя

XVI ЭЛЬЗА – МАЯКОВСКОМУ

19 $\frac{8}{III}$ 17¹

Милый дядя Володя, что творится-то, великолепие прямо!

А теперь мне невероятно хочется заниматься, неделю уже, я с утра до поздней ночи шатаюсь по улицам. На курсах – собрания и всякая штука. Надеюсь, завтра начнутся занятия. Да еще в городской думе, я верно, что то делать буду.

А ты, Володя, что делал? С флагом ходил? К счастью „заря революции“ оказалась не слишком кровавой, по крайней мере у нас здесь.

Рома в диком восторге от Петрограда, Москву знать не желает.²

Володя, напиши мне обязательно о лилином здоровье, только для меня, а не для мамы.

Я по тебе соскучилась, в Петроград приеду скоро, если только не будет никаких исключительных событий.

За что ты, миленький, Шимана ругаешь? Разве он так уж плох, или ты подчиняешься чужим мнениям? Знаешь это такая болезнь на улице Жуковского...³

Очень, очень хотела бы тебя повидать.

Знаешь, Рома в милиции, ходил с ружьем, арестовал 6 городских.⁴

А „войну“ твою теперь целиком напечатают.⁵ Здорово!

Целую тебя крепко, крепко. Пиши

Эля.



Владимир Маяковский, Казань 1914 г.



Эльза Каган (направо) с подругами у частной школы Н. Валицкой на Земляном валу в Москве (1913–14 гг.).



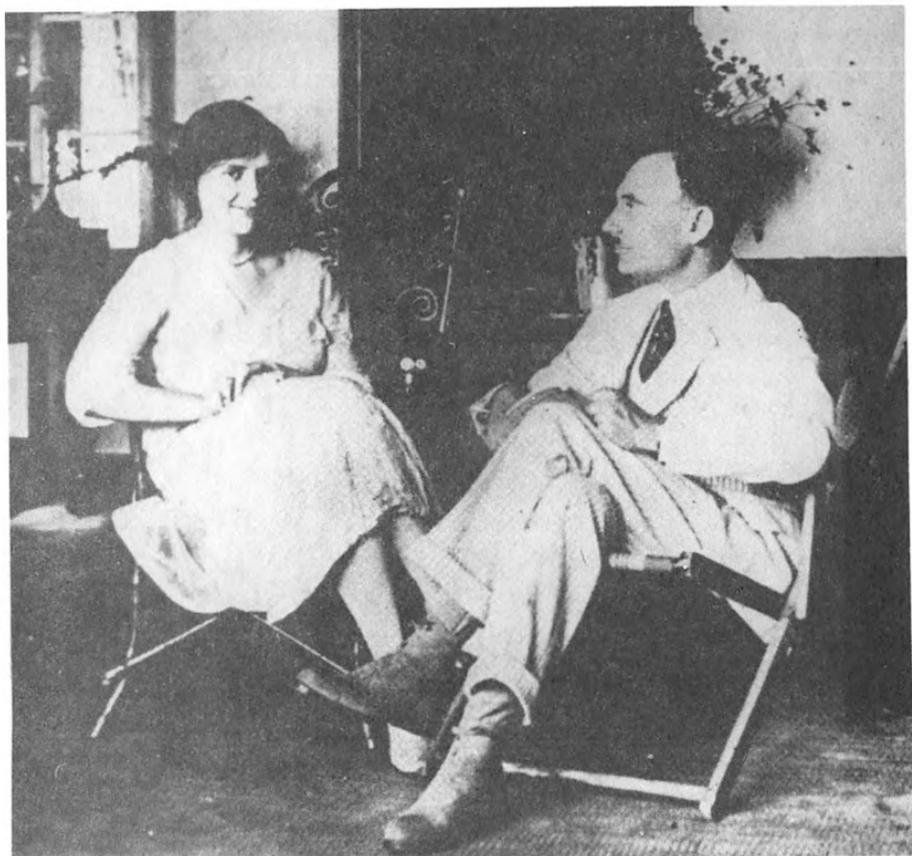
Лили Брик. Рисунок Маяковского (1916–1918 гг.). Публикуется впервые. (Собрание В. В. Катаняна, Москва.)



Эльза.



Лили и Эльза в Москве в 1918 г.



Эльза вместе со своим первым мужем André Triolet (ок. 1920 г.).



Эльза в Сокольниках (1925–26 гг.)

Эльза Триоле: О Маяковском

Я познакомилась с Маяковским, если не ошибаюсь, осенью 1913 года, в семействе Хвас¹. Хвасов, родителей и двух девочек – Иду и Алю, я знала с детских лет; жили они на Каретной-Садовой, почти на углу Триумфальной, ныне площади Маяковского. А мы – мать, отец, сестра Лиля и я – жили на Маросейке.² Каретная-Садовая казалась мне краем света, и ехать туда было действительно далеко, а так как телефона тогда не было, и ехали на авось, то можно было и не застать, проездить зря. Долго тряслись на извозчике, Лиля и я на коленях у родителей. Чем занимался отец Хвас – не помню, а мать была портнихой, и звали ее Минной, что я запомнила оттого что вокруг крыльца, со всех сторон висело по большой вывеске: „Минна“. Квартира у Хвасов была большая и старая, вся перекошенная, с кривыми половицами. В гостиной стоял рояль и пальмы, в примерочной – зеркальный шкаф, но самое интересное в квартире были ее недра, мастерские. Вечером, или в праздник, когда там не работали, то в самой большой из мастерских, за очень длинным столом, пили чай и обедали.

Старшая девочка, Ида, дружила с Лилей, а я была мала и для Али, младшей, – ей было обидно играть с маленькой. Из развлечений я помню только, как Ида, Лиля и Аля, все сообща, запирали меня в уборную, и я там кричала истошным голосом, оттого что ничего на свете я так не боялась, как запертой снаружи двери.

И сразу после этих детских лет всплывает тот вечер первой встречи с Маяковским осенью 13-го года. Мне

было уже шестнадцать лет, я кончила гимназию, семь классов, и поступила в восьмой, так называемый педагогический. Лиля, после кратковременного увлечения скульптурой, вышла замуж³, Ида стала незаурядной пианисткой, Аля – художницей. Я тоже собиралась учиться живописи, у Машкова⁴; разница лет начинала стираться, и когда я вернулась с летних каникул, из Финляндии, я пошла к Хвасам уже самостоятельно, без старших.

В хвасовской гостиной, там где стоял рояль и пальмы, было много чужих людей. Все шумели, говорили, Ида сидела у рояля, играла, напевала. Почему-то запомнился художник Осмеркин⁵, с бледным, прозрачным носом, и болезненного вида человек по фамилии Фриденсон⁶. Кто-то необычайно большой, в черной бархатной блузе, размашисто ходил взад и вперед, смотрел мимо всех невидящими глазами, и что-то бормотал про себя. Потом, как мне сейчас кажется – внезапно, он также мимо всех загремел огромным голосом. И в этот первый раз на меня произвели впечатление не стихи, не человек, который их читал, а все это вместе взятое, как явление природы, как гроза... Маяковский читал „Бунт вещей“, впоследствии переименованный в трагедию „Владимир Маяковский“.

Ужинали все в той же мастерской за длинным столом, но родителей с нами не было, не знаю, где они скрывались, может быть спали. Сидели, пили чай... Эти, двадцатилетние, были тогда в разгаре боя за такое или эдакое искусство, я же ничего не понимала, сидела девчонка-девчонкой, слушала и теребила бусы на шее... нитка разорвалась, бусы посыпались, покатились во все стороны. Я под стол, собирать, а Маяковский за мной, помогать. На всю долгую жизнь запомнилась полутьма, портняжий сор, булавки, нитки,

скользкие бусы и рука Маяковского, легшая на мою руку.

Маяковский пошел меня провожать на далекую Маросейку. На его площади стояли лихачи. Мы сели на лихача.

* * *

Начались занятия в гимназии. Училась я у Валицкой, только что переехавшей с Покровки, из особняка князя Голицына, на Земляной вал, в дом Хлудова, за которым был большой старый сад. Во время перемены, гуляя по саду, я рассказывала подруге Наде про эту необычайную встречу.

Маяковский звонил мне по телефону, но я не хотела его видеть, и встретила с ним случайно, через какой-то срок, может быть, недолгий, а может быть и год целый. Он шел по Кузнецкому мосту, на нем был цилиндр, черное пальто, и он помахивал тростью. Повел бровями, улыбнулся и спросил, может ли прийти в гости. Начиная с этой встречи, воспоминания встают кадрами, налезают друг на друга, и я не знаю, ни какой срок их отделяет, ни в каком порядке они располагаются.

Это было в 13-м году, до войны, т. к. тогда мой отец был еще юрисконсультom австрийского посольства и, между прочим, к нему иногда обращались за советом приезжавшие на гастроли и не поладившие с антрепренером австрийские актеры, акробаты, эксцентрично одетые шантаные певцы, тирольцы с голыми коленками. . .⁷ но первое появление Маяковского в цилиндре и черном пальто, а под ним желтой кофте-распашонке, привело открывшую ему горничную в такое смятение, что она шархнула от него в комнаты за помощью.

... Летом 14-го года мама и я отвезли в Берлин заболевшего отца. Там ему сделали операцию, наступило временное улучшение, он поправился, встал, ходил. Объявление войны застало нас в санатории под Берлином. Пришлось спешно бежать оттуда, в объезд, через Скандинавию. По возвращении в Москву как будто поправившийся отец начал по-прежнему работать.

В это время Маяковский бывал у меня часто, может быть ежедневно. Вижу его у меня в комнате, он сидит, размалевывает свои лубки военных дней (очевидно, то было в августе-октябре 14-го года):

Плыли этим месяцем
Турки с полумесяцем.

С криком: „Deutschland über alles!“
Немцы с поля убирались.

Австрияки у Карпат
Поднимали благой мат.⁸

Возможно, что именно эти лубки были сделаны у меня, уж очень крепко засели в голове подписи к ним. Володя малюет, а я рядом что-нибудь зубрю, случалось, правлю ему орфографические ошибки.

Вижу себя в гостиной, у рояля (я тогда училась в музыкальной школе Гнесиных, у Ольги Фабиановны)⁹, а Володя ходит за моей спиной и бурчит: стихи пишет. Он любил, под музыку.

А еще помню его за ужином: за столом папа, мама, Володя и я. Володя вежливо молчит, изредка обращаясь к моей матери с фразами вроде: „Простите, Елена Юльевна, я у вас все котлеты сжевал...“, и категори-

чески избегая вступать в разговоры с моим отцом. Под конец вечера, когда родители шли спать, мы с Володей переезжали в отцовский кабинет, с большим письменным столом, с ковровым диваном и креслами на персидском ковре, книжным шкафом . . . Но мать не спала, ждала, когда же Володя, наконец, уйдет, и по нескольку раз, уже в халате, приходила его выгонять: „Владимир Владимирович, вам пора уходить!“ Но Володя, нисколько не обижаясь, упирался и не уходил. Наконец, мы в передней, Володя влезает в пальто и тут же попутно вспоминает о существовании в доме швейцара, которого придется будить и для которого у него даже гривенника на чай не найдется. Здесь кадр такой: я даю Володе двугривенный для швейцара, а в Володиной душе разыгрывается борьба между так называемым принципом, согласно которому порядочный человек не берет денег у женщины, и неприятным представлением о встрече с разбуженным швейцаром. Володя берет серебрянную монетку, потом кладет ее на подзеркальник, опять берет, опять кладет . . . и наконец уходит навстречу презрительному гневу швейцара, но с незапятнанной честью.

А на следующий день все начинается сызнова: появился Володя, с изысканной вежливостью здоровался с моей матерью и серьезно говорил ей: „Вчера, только вы легли спать, Елена Юльевна, как я вернулся по веревочной лестнице . . .“ И мама, несмотря на присущее ей чувство юмора, и на то, что мы жили на третьем этаже, с беспокойством смотрела на Маяковского: может быть, он действительно вернулся, не по веревочной, а по обыкновенной лестнице.

Я же относилась к Маяковскому ласково и равнодушно, ни ему, ни себе не задавала никаких вопросов, присутствие его в доме считала вполне естествен-

ным, училась, читала книги и, случалось, задерживалась где-нибудь, несмотря на то, что он должен был прийти. Не застав меня, Володя оставлял свою визитную карточку, сантиметров в пятнадцать ширины, на которой желтым по белому во всю ширину и высоту было напечатано: ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. Моя мать неизменно ее ему возвращала и неизменно ему говорила: „Владимир Владимирович, вы забыли вашу вывеску.“ Володя расшаркивался, ухмылялся и клал вывеску в карман.

Удивительно то, что меня ничего в Маяковском не удивляло, что мне все казалось вполне естественным, и визитные карточки, и желтая кофта, и постоянное бормотанье. Когда мы бывали где-нибудь вместе, менянисколько не смущало, что на него весь честной народ тарачит глаза, я на этом как-то не останавливалась, и его странное иной раз поведение, необычную внешность и костюм воспринимала с полным равнодушием. Выступления, пресса, „футуризм“, шум и скандал до меня не доходили.

Таково было положение вещей, когда в Москву из Петрограда приехала Лиля. Здоровье отца опять ухудшилось. Как-то, мимоходом, она мне сказала: „К тебе тут какой-то Маяковский ходит... Мама из-за него плачет.“ И когда Володя позвонил мне по телефону, я тут же сказала ему: „Больше не приходите, мама плачет.“

К лету 15-го года отец уже больше не вставал. Мама была при нем безотлучно, и я не хотела, чтобы мама плакала из-за меня.

* * *

Отца перевезли в Малаховку, на дачу, которую мы занимали с теткой, маминой сестрой. Не знаю, не пом-

ню, каким образом Володя меня там нашел. Просил встретиться, назначал мне свидания на малаховской станции. Я же то не приходила, то приводила с собой тетку и видела Володю только издали, стоящего раздвинув ноги, спиной к дачному вокзалу . . . В который-то раз, все-таки, почему-то пришла одна: он так же стоял, с папиросой в зубах и мутным от ярости взглядом. Должно быть, то было вечером, оттого что, отойдя от вокзала, Володя мне вспоминается как тень, бредущая рядом со мной по пустой дачной улице. Злобствуя на меня, Володя шел на расстоянии, и в темноте, не обращаясь ко мне, скользил вдоль заборов его голос, стихами. К тому, что Володя постоянно пишет стихи, про себя или голосом, я давно привыкла и не обращала на то внимания. Я не обращала никакого внимания на то, что он поэт. И внезапно, в тот вечер, меня как будто разбудили, как будто зажгли яркий свет, меня озарило, и вдруг я услышала негромкие слова:

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно? . . .¹⁰

И дальше . . . Я остановилась и взволнованно спросила:

– Чьи это стихи?

– Ага! Нравится? . . . То-то! – сказал Володя, торжествуя.

Мы пошли дальше, потом сели где-то, и на одинокой скамейке, под звездным небом, Владимир Маяковский долго читал мне свои стихи. Должно быть, „Облако“, и только „Облако“.

Сознательная моя дружба с Маяковским началась буквально с этой строчки:

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?

В эту ночь зажглось во мне великолепное, огромное, беспредельное чувство восхищения и преданнейшей дружбы, и так по сей день мною владеет. [...]

Жизнь размечена стихами, как верстовыми столбами. Но если бы тогда мне сказали, что я люблю поэзию, я бы не поняла и удивилась. А между тем поэзия была для меня таким великим искусством, что пораженная поэзией Маяковского, я немедленно привязалась к нему изо всех сил, я превратилась в страстную, ярую защитницу и пропагандистку его стихов. Все тогда им написанное я знала наизусть и буквально лезла в драку, если кто-нибудь осмеливался критиковать поэзию Маяковского или его самого. За этим восторгом не крылись ни влюбленность, ни поэтические принципы или теории, это был вполне непосредственный восторг, который ощущаешь перед красотой пейзажа, морем, вечными снегами; это была неосознанная благодарность за то человеческое, что было сказано, выражено стихами и тем самым приносило облегчение всем окружающим.

* * *

Сразу стало ясно и просто, что я могу встречаться с Маяковским тайком и без малейшего угрызения совести. Я приезжала в город, в нашу пустую, пахнущую нафталином, летнюю квартиру, со свернутыми коврами, завешенными кисеей лампами, с двумя роялями в накинутых, как на вороных коней, пополах. У Володи был грипп, сильный жар. Сегодня мне кажется, что мы

встречались часто, что это время длилось долго. На самом деле Володя служил в автомобильной роте, в Петрограде, в Москву наезжал изредка.¹¹ По воспоминаниям Иды Хвас, 7/19 июля 15-го года мы справляли Володины именины в гостинице, на углу Столешникова и Петровки, вчетвером, с Георгием Якуловым¹², что подтверждает мои смутные воспоминания об этой встрече и о появлении черноволосого, юркого и пучеглазого, как ящерица, Якулова.

В июле умер отец.¹³ Лиля приехала на похороны. И, несмотря ни на что, мы говорили о Маяковском. Она о нем, конечно, слыхала, но к моему восторгу отнеслась скептически.¹⁴ После похорон, оставив мать с теткой на даче, я поехала к Лиле, в Петроград, и Маяковский пришел меня навестить к Лиле, на улицу Жуковского. В этот ли первый раз, в другую ли встречу, но я уговорила Володю прочесть стихи Брикам, и думается мне, что тогда, в тот вечер уже наметилась судьба многих из тех, что слушали „Облако“ Маяковского... Брики отнеслись к стихам восторженно, безвозвратно полюбили их. Маяковский безвозвратно полюбил Лилю.

* * *

После смерти отца, мама и я переехали с Маросейки в Голиковский переулок, что на Пятницкой. Я поступила на Архитектурные курсы. Пятнадцатый, шестнадцатый, семнадцатый год... Встречи в Москве, Петрограде. Не буду говорить о событиях, перевороте, а только – узко – о Маяковском, об имеющем прямое к нему отношение. В один из приездов в Москву Володя привел ко мне своего закадычного друга Станислава Борисовича Гурвица, который сильно импонировал Володе

культурой, остроумием, западным снобизмом, хорошо шитым пиджаком, небрежностью и тем, что он был прелестным человеком. Если не ошибаюсь, Станечка был студентом-техником.¹⁵ Когда Володя уехал в Петроград, Станечка достался мне в наследство, и так зачастил ко мне, что когда приезжал Володя, мы уже проводили время втроем. Сидели у меня, ходили куда-то ужинать, кого-то слушать, бывали в Художественном кружке. Одно помню твердо: разговоры Володи со Станечкой заставляли меня смеяться положительно до рыданий. Уезжая, Володя, превратившийся каким-то образом в „дядю Володю“, поручал меня своему другу.

От этих времен у меня чудом сохранилось несколько володиных писем из Петрограда. Коротенькие строчки воскрешают далекий мир, дружбу с дядей Володей, которого я, очевидно, тогда посвящала во все мои переживания и романы... „Рад, что ты поставила над твоим И. точку.“ Если б не эта фраза, я бы об И. никогда и не вспомнила¹⁶, не вспомнила бы и всей атмосферы отношений с Володей, откровенности, взаимной преданности. Я знала, я твердо знала, что за Маяковским надо следить, что он не просто поэт, а поэт воинствующий, что он не просто – человек, а человек, несущий в себе всю боль человеческую, и что от любви, счастья, жизни он требует невозможного, бессмертного, беспредельного. Всю жизнь я боялась, что Володя покончит с собой. И когда я получила от него письмо (19.12.1916) со строчкой из „Облака“ – „уже у нервов подкашиваются ноги“, я бросилась к Станечке: надо ехать спасать Володю!¹⁷ Но Станечка смеялся надо мной, утверждая, что Володя мне это пишет оттого, что ему не с кем ходить в кинематограф. Мне было девятнадцать лет, и без разрешения матери я еще никогда никуда не ездила, но на этот раз я

просто, без объяснения причин, сказала ей, что уезжаю в Петроград.

* * *

От поездки остались в памяти только какие-то обрывки. Полутемная комната, должно быть, та самая, на Надеждинской... Диван, стул, стол, на столе вино...

... знаю
 способ старый
в горе
 дуть винище ...¹⁸

Володя сидит у стола, ходит по комнате, молчит... Я в углу, на диване. Жду. Молчит, пьет, сидит, ходит... Час за часом... Вот уж и у моих нервов начинают подкашиваться ноги. Сколько времени будет продолжаться эта мука? Зачем я приехала! Ничем я не могу ему помочь, и совсем я ему не нужна. Вскочила, собралась уходить. Внизу, у подъезда, уже, должно быть, очень долго, меня ждал другой Владимир, Владимир Иванович¹⁹.

- Куда ты?
- Ухожу.
- Не смей!
- Не смей говорить „не смей!“

Мы поссорились. Володя, в бешенстве, не отпускал меня силой. Я вырвалась, умру, но не останусь. Кинулась к двери, выскочила, схватив в охапку шубу. Я спускалась по лестнице, когда Володя прогремел мимо меня: „Пардон, мадам...“ и он приподнял шляпу.

Когда я вышла на улицу, Володя уже сидел в санях, рядом с поджидавшим меня Владимиром Ивановичем.

Бесцеремонный и наглый, Маяковский заявил, что проведет вечер с нами, и тут же, с места, начал меня смешить и измываться над Владимиром Ивановичем. А тому, конечно, не под силу было отшутиться, кто же мог в этом деле состязаться с Маяковским? И мы, действительно, провели вечер втроем, ужинали, смотрели какую-то программу . . . и смех и слезы! Но каким Маяковский был трудным и тяжелым человеком.

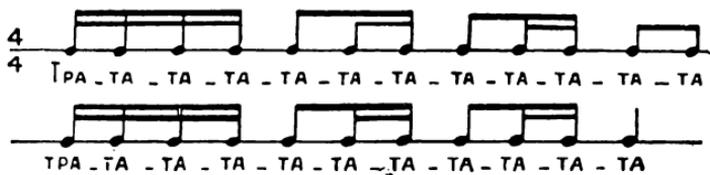
Жила я, конечно, у Лили, на улице Жуковского. Это было тогда, когда писались „Война и мир“ и „Человек“ . . .²⁰

– Прохожий!
Это улица Жуковского?

Смотрит,
как смотрит дитя на скелет,
глаза вот такие,
старается мимо.
„Она – Маяковского тысячи лет:
Он здесь застрелился у двери любимой.“²¹

Если не ошибаюсь, то именно в этот приезд он читал на улице Жуковского, у Бриков, „Войну и мир“. Узкая комната, в одно окно, диван, на котором Лиля, когда уходили гости, стелила мне постель, рояль и теснота. С немеркнувшей ясностью помню голос, выражение лица Володи, когда он читал . . .

Вздрогнула от крика грудь дивизий.
Вперед!
Пена у рта.
Разящий Георгий у знамен в девизе,
барабаны:



Помню барабан собственного сердца, Виктора Шкловского, который плакал, положив на рояль тогда кудрявую годову . . .

Вот она, война!

В этот приезд, под новый год, у Лили устроили „футуристическую елку“²²: разубранную елочку подвесили под потолок, годовой вниз, как люстру, стены закрыли белыми простынями, горели свечи, приклеенные к детским круглым щитам, а мы все разделись и загримировались так, чтобы не быть на самих себя похожими. На Володе, кажется, было какое-то апашеского вида красное кашне, на Шкловском матросская блуза. В столовой было еще тесней, чем в комнате с роялем, гости сидели вокруг стола, прижатые к стене, блюда передавались через годовы, прямо из дверей. Были тут Давид Бурлюк с лорнетом, Велимир Хлебников, сутулый и бледный, похожий, как говорил Шкловский, на большую больную птицу, синеглазый Василий Каменский, Кузмин²³ и Юркун²⁴, и много другого народа. Я сидела рядом с Васей Каменским, у которого лицо было разрисовано синим гримировальным карандашом: синие брови, на одной щеке – синяя птичка. Но для Каменского иллюстрация лица было делом не новым, футуристы нередко выступали в таком виде, и у меня даже сохранилась фотография Каменского с цветочком на щеке. Казанское происхождение фотографии позволяет отнести ее к февралю 14-го года,

когда Каменский, Маяковский и Бурлюк ездили по России с докладами о футуризме. Это предложение подтверждается имеющейся у меня фотографией Маяковского, с напечатанной подписью: *футурист Владимир Маяковский* и, мельче: *Электро-Велография. Казань. Воскресенская*. Обе фотографии – открытки одного типа.²⁵

В этот новогодний вечер, за столом, мой сосед Вася Каменский предложил мне руку и сердце. Предложение это было, если и не принято, то немедленно оглашено, и Васю Каменского уже все звали не Васей, а женихом.

* * *

Когда я вернулась в Москву, то тут же возник и Вася Каменский. Он восхитительно рассказывал моей матери про красоты своего имения „Каменка“ на Урале, но так бесконечно длинно, что я оставляла его с мамой, а сама уходила по своим делам. Приехал в Москву и Володя, и постоянно заставляя у меня Васю, с беспокойством следил за его маневрами, и говорил моей матери, замученной Васиным красноречием: „Елена Юльевна, не верьте ему, у него на Урале всего один цветочек!“ И для вящего доказательства Володя поднимал один палец. Мне же поистине было тогда не до Васиных рассказов, предложений, Урала . . . В то время, накануне революции, моя судьба сошла с рельс. Но я уже Володе своих тайн не поверяла: было ясно, что он все рассказывает Лиле. А жизнь как будто шла по-прежнему: я ходила на курсы, сдавала зачеты, встречалась с друзьями.

Петроградские и московские воспоминания путаются в голове, путаются даты, времена года. Помню раз-

говор с Володей о задуманном им романе, который должен был называться „Две сестры“²⁶ (название на него похожее, близкое к „Трем сестрам“, как „Война и мир“, название поэмы, которая тогда писалась, близко к „Войне и миру“). То вспоминается еще одна отчаянная ссора с Володей, все из-за того же самого Владимира Ивановича, с которым я ушла справлять его именины, а Володя требовал, чтобы я справляла его, Володины, именины дома, с Лилей. Когда я вернулась, он был так разобижен, что не хотел мне даже руки подать – мирила нас Лиля. То вспомнится, как Володя привел ко мне Асеева, и с ним стихи:

Оксана! Жемчужина мира!
Я воздух на волны дробя,
На дне Малороссии вырыл
И в песню оправил тебя.²⁷

В тихой квартирке, в Голиковском переулке, я слушала стихи и восторженные рассказы Асеева об Оксане, одной из сестер Синяковых, оживших позднее и в стихах Хлебникова, в его „Синих оковах“.

Хлебников, Маяковский, Каменский, Асеев, Крученых... Они нарушали в поэзии повторность буквы Б... Брюсов, Бальмонт, Белый, Блок... мой поэтический пейзаж дореволюционного периода. С каким наслаждением я слушала Асеева! Но над всеми, над всей поэзией того времени продолжал для меня царить Маяковский. И когда в феврале 18-го года в Политехническом музее были „выборы короля поэтов“²⁸ и „королем“ провозгласили Северянина, а не Маяковского, я волновалась необычайно. Сравнить Северянина или Вертинского с Маяковским! Сравнить их поэзию, похожую на „ананасы в шампанском“, с их

девушками „кокаином распятыми – на мокрых бульварах Москвы“ . . .²⁹ с поэзией Маяковского! Сам Маяковский стоял на эстраде бледный, растрепанный, перекрывая шум бушевавшей аудитории уже охрипшим от крика голосом.

Смутно всплывает ночное „Кафе поэтов“, на него наезжает фотография из фильма по сценарию Маяковского „Не для денег родившийся“, где на фоне „Кафе поэтов“, с намалеванными на сводах большими цветами, стоят Маяковский в кепке, за ним Бурлюк с лорнетом, а некий Климов, с обручем вокруг головы, сидит у стола на скамейке, положив на нее ногу.³⁰ В таком вот „Кафе поэтов“ выступал Маяковский, и я его там слушала, но я это скорее знаю, чем помню. Лучше запомнилось „Кафе Питтореск“ на Кузнецком мосту, оформленное Георгием Якуловым.³¹ Мы заходили туда, когда оно еще только отделялось, и Володя одобрительно заметил: „Смотри, как стенки ощетились!“ В этом кафе, позднее, выступали и Маяковский, и Каменский.

А вот мы у Лили, на Жуковской, в том же доме, но на другом этаже. В большой пустой комнате зеркало, на стенах балетные пачки: Лиля увлекается балетом . . . Вечером приходит мой будущий муж, француз, в военной форме. На него из соседней комнаты, где играют в карты, выходят посмотреть Лиля, Володя . . . Без комментариев. Володя отчужденно здоровается. Он вежлив и молчалив и никогда со мной об этом французском романе не заговаривает.

* * *

В 18-м году сдавала экзамены, получила свидетельство об окончании архитектурно-строительного отделения

Московских женских строительных курсов, помеченное 27-м июня 1918 года. На той же Новой Басманной, где находились мои курсы, в бывшем Институте для благородных девиц, мне выдали заграничный советский паспорт, в котором значилось – „для выхода замуж за офицера французской армии“; а в паспорте моей матери стояло: „для сопровождения дочери.“ Товарищ, который выдал мне паспорт, сурово посмотрел на меня и сказал в напутствие: „Что у нас своих мало, что вы за чужих выходите?“

Распродали вещи. Когда вынесли рояль, семье рабочего, занявшей квартиру, стало свободней. Подошел день отъезда. Сели на извозчика, с чемоданами. На весь Голиковский переулок заголосила моя кормилица, Стеша. Так мне и не довелось ее больше увидеть, а я то думала, что через каких-нибудь три-четыре месяца вернусь!

Мы должны были ехать в Париж через Швецию. Если не ошиваюсь, наш пароход, „Онгерманланд“, уходил из Петрограда 4 июля. Остановились у Лили. В квартире никого не было: именно тогда началась совместная жизнь Лили и Володи, и они уехали вдвоем в Левашово, под Петроградом. Для матери такая перемена в Лилиной жизни, к которой она совсем не была подготовлена, оказалась сильным ударом. Она не хотела видеть Маяковского и готова была уехать, не попрощавшись с Лилей. Я отправилась в Левашово одна.

Было очень жарко. Лиличка, загоревшая на солнце до волдырей, лежала в полутемной комнате; Володя молчаливо ходил взад и вперед. Не помню, о чем мы говорили, как-прощались . . . Подсознательное убеждение, что чужая личная жизнь нечто неприкосновенное, не позволяло мне не только спросить, что же будет дальше, как сложится жизнь самых мне близких, лю-

бимых людей, но даже показать, что я замечаю новое положение вещей.

А на следующий день, прямо с утра, приехала Лиля, будто внезапно поняв, что я действительно уезжаю, что выхожу замуж за какого-то чужого француза, и что накануне, в Левашове, я была, чтобы попрощаться с Володей . . . „Может быть, ты передумаешь, Элечка? Не уезжай! Выходи лучше за Рому . . .“³² Да поздно она спохватилась.

На пристань Володя не приехал, т. к. мама не сменила гнев на милость. На многие годы я увезла с собой молчаливого Володю, ходившего по полутемной комнате, а Лиличку такой, какой она была на пристани, в час отбытия. Это было в июле 1918 года. Жара, голодно, по Петрограду гниют горы фруктов, есть их нельзя оттого, что холера, как сыщик, хватает людей где попало, на улице, в трамвае, по домам. С невыносимой тоской смотрю с палубы на Лиличку, которая тянется к нам, хочет передать нам сверток с котлетами, драгоценным мясом. Вижу ее удивительно маленькие ноги в тоненьких туфлях рядом с вонючей, может быть, холерной, лужей, ее тонкую фигурку, глаза . . .

Круглые

да карие,

Горячие

до гари.³³

Пароход отчалил.

В Стокгольме нас сразу посадили в карантин: на пароходе повар заболел холерой, а за ним несколько пассажиров. Незабываемо отвращение, которое во мне вызвали шведские еды, особенно пирожные . . . По ту сторону воды, рукой подать, вставала жизнь „в другом разрезе“.

Комментарии

Вместо предисловия

1. О работе над книгами воспоминаний и переводов, так же как и о выставке 1967 г., Эльза Триоле рассказывает в письмах к сестре Л.Ю. Брик, опубликованных в *Литературном обозрении*, 1983:7, стр. 110–112 (публ. В.В. Катаняна).
2. Эльза Триоле, „Воинствующий поэт“, в сб. Bengt Jangfeldt/Nils Åke Nilsson (eds.), *Vladimir Majakovskij. Memoirs and Essays*, Stockholm 1975.
3. В. Воронцов/А. Колосков, „Любовь поэта“, *Огонек*, 1968:16, и А. Колосков, „Трагедия поэта“, *там же*, 1968:23 и 26. См. ответы Эльзы Триоле: *Les lettres françaises*, 1968:1232, 2–8 мая, и 1968:1239, 3–9 июля. Выдержки из этих статей приводятся в кн. С. Чертока, *Последняя любовь Маяковского*, Ann Arbor, 1983, стр. 114–115.

Переписка 1915–1917

Письма В.В. Маяковского к Эльзе Каган были впервые опубликованы в *Литературном наследстве*, т. 65, М. 1958 (*Новое о Маяковском*), стр. 182, 184–185. Здесь они печатаются без редакторского исправления синтаксиса и пунктуации.

Письма Эльзы публикуются впервые (с сохранением стилистических особенностей подлинника).

I

1. Письмо датировано Эльзой.
2. Л.Ю. Брик познакомилась с Маяковским незадолго до этого, в июле 1915 г.
3. Здесь намекается на отношения Маяковского с Л.Ю. Брик.
4. Эльза училась на Московских женских строительных курсах до 1918 г.

II

1. Письмо датировано Эльзой.
2. Речь идет об *Облаке в штанах*. На книге дарственная надпись: „Милой и хорошей Эличке любящий ее В.В.“ (см. фотографию в *Литературном наследстве*, т. 65, М. 1958, стр. 185).

III

1. Письмо датировано Эльзой.
2. Речь идет о сборнике *Простое, как мычание*, вышедшем в октябре 1916 г. Это был первый сборник стихотворений Маяковского, включавший почти все им написанное, в том числе „Облако в штанах“ и трагедию „Владимир Маяковский“.
3. Под инициалом И. скрывается знакомый Эльзы, личность которого не удалось разгадать.
4. Мария Александровна Денисова (1894–1944) – „Одесская Мария“ в *Облаке в штанах*.
5. Письмо написано на бумаге, вырванной из тетради.
6. Василий Васильевич Каменский (1884–1961), поэт-

футурист, усердно ухаживал за Эльзой и даже предложил ей руку (см. стр. 56).

IV

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.
2. Маяковский служил в автомобильной роте в Петрограде и поэтому не мог уехать в Москву.
3. См. предыдущее письмо, прим. 3.

V

1. Письмо датировано Эльзой.
2. Т.е. университетские права.

VI

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.

VII

1. Письмо датировано Эльзой.
2. Лев Александрович Гринкруг (1889–1987) – ближайший друг Маяковского и Бриков, упоминается почти во всех письмах Маяковского и Л.Ю. Брик („Лева“). Л.А. Гринкруг служил в московском банке, но каждую субботу уезжал в Петроград, чтобы встретиться с Маяковским и Бриками. (Подробнее о биографии Л.А. Гринкруга см. *В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930*, Стокгольм 1982, стр. 195.)

VIII

1. Письмо датировано Эльзой.
2. 5-я выставка „Бубнового валета“ состоялась в ноябре-декабре 1916 г. с участием 31 художника, в том числе А. Экстер, Кс. Богуславская, И. Пуни, Д. Бурлюк, Н. Кульбин, В. Кандинский, М. Шагал, Л. Попова, Н. Удальцова, Н. Альтман, Ю. Анненков, П. Фальк и А. Лентулов.

На выставке висел портрет Самуила Матвеевича Вермеля – поэта, издателя сборников *Весеннее контрагентство муз* (1915) и *Московские мастера* (1916) – работы А. Лентулова (1882–1943). В *Аполлоне* (1916:9/10, стр. 89) отмечалось, что портрет „хотя реалистичен, приличен, но со слабой характеристикой“.

3. Ср. воспоминания Д. Бурлюка: „[...] Горький захал на выставку ‚Бубновый валет‘. Он внимательно смотрел мою большую картину ‚Татары 1224 год‘ (Пир победителей на трупах побежденных).

„Страшную картину Вы, Давид Давидович, написали...“ (Д.Д. Бурлюк, „Мое знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким (1915–1917 гг.)“, *Книги. Архивы. Автографы*, М. 1973, стр. 27–28.)

IX

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю. Правый угол письма оторван.

X

1. Письмо датировано Эльзой.

XI

1. Письмо датировано Маяковским. Почтовый штемпель: Петроград 19.12.16.
2. Цитата из первой части *Облака в штанах*. См. прим. 2 к следующему письму.

XII

1. Письмо датировано Эльзой.
2. Ср. воспоминания Эльзы: „[...] без разрешения матери я еще никогда никуда не ездила, но на этот раз я просто, без объяснения причин, сказала ей, что уезжаю в Петроград“ (см. стр. 52).

XIII

1. Письмо датировано Эльзой. Оно написано после посещения Эльзой и матерью Петрограда.

XIV

1. Письмо датировано Эльзой.
2. Согласно *Литературной хронике* В.А. Катаняна, Маяковский поехал на несколько дней в Москву в январе 1917 г. (М. 1985, стр. 124).

XV

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю. Над эпиграфом нарисовано сердце, пронзенное стрелой.

2. Эпиграф – парафраза вступления к „Руслану и Людмиле“ Пушкина.

Эльза с матерью жили в Голиковском переулке, д. 8, кв. 3, на Пятницкой улице.

Эпиграф Маяковского был потом использован Эльзой, как эпиграф к 23-й гл. ее первой книги *На Тапти* (Л., 1925, стр. 80).

XVI

1. Письмо датировано Эльзой. Оно написано в разгар февральской революции.
2. Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – в то время начинающий лингвист и литературовед, член Московского Лингвистического Кружка, основанного в 1915 г. Восторг Якобсона объясняется встречей в Петрограде с О.М. Бриком и Маяковским и последовавшим за ней основанием ОПОЯЗа.
3. Эдуард Густавович Шиман (1885–1942) – художник, с которым Маяковский часто играл в карты.

„[...] на улице Жуковского“ – т.е. у Бриков. Известно, что Л.Ю. Брик Шиман не нравился. Однажды она обыграла его в карты и он задолжал ей „астрономические суммы“: „Взволнованный, он снял с руки перстень и подарил его мне. Кольцо было чудесное, старинное, римское, витое, из червонного золота, а вместо камня барельеф – женщина с ребенком – идеальной работы. Но Ч. [т.е. Шиман] человек сложный, он посидел, посидел, потом подошел, посмотрел мне пристально в глаза и говорит: „А Вам все равно, откуда это кольцо?“ Я отвечаю: „Абсолютно.“ – „Даже если оно ворованное?“ Отвечаю: „Мне оно подарено Вами.“ – „Так

знайте, я украл его в Эрмитаже.' – ,Что ж, я так и скажу, если меня кто-нибудь спросит: его украл в Эрмитаже Ч. [...] Через какое-то время он попросил у меня кольцо обратно“ (Л. Ю. Брик, „Из воспоминаний“, альм. *С Маяковским*, М. 1934, стр. 68–69).

- Шиман сошелся с художницей Антониной (Тоней) Гумиловой незадолго до ее самоубийства в 1918 или 1919 г. До знакомства с Л.Ю. Брик у Маяковского был роман с Гумиловой, которая, согласно Р.О. Якобсону, была прообразом Марии четвертой части *Облака в штанах* (см. „Новые строки Маяковского“, *Русский литературный архив*, Н.-Й. 1956. стр. 200). Не исключено, что отрицательное отношение к Шиману было связано с этой историей.
4. Во время февральской революции студенты Московского университета были призваны „установить порядок“ в городе, и Роман Якобсон служил, – вместе с П. Богатыревым, – в полицейском участке на Арбате. (За эту информацию я благодарен проф. С. Руди, записавшему ее в 1979 г. со слов Якобсона.)
 5. Речь идет о поэме *Война и мир*. Части поэмы печатались в разных журналах в течение 1917 г. Отдельное издание вышло в изд. Парус в декабре.

Воспоминания

Здесь публикуется первая часть воспоминаний Эльзы Триоле о Маяковском, относящаяся к годам 1913–1918, т.е. к первому, русскому периоду их знакомства, когда состоялась публикуемая в настоящей книге переписка. Воспоминания эти были написаны в 1956 г. и должны были бы войти во второй, невышедший, том *Лите-*

ратурного наследства о Маяковском. Полностью они были напечатаны в сб. *Vladimir Majakovskij. Memoirs and Essays* (eds. Bengt Jangfeldt/Nils Åke Nilsson), Stockholm 1975, под названием „Воинствующий поэт“. Они представляют собой переработанный вариант вышедших до войны на французском языке воспоминаний Эльзы Триоле *Maïakovski. Poète russe. Souvenirs*, Paris 1939.

1. И.Я. Хвас (1892–1945) – пианистка, концертмейстер.
2. Семья Каган – Урий Александрович и Елена Юльевна с дочерьми Лили и Эльза – жила в Петрове-ригском переулке на Маросейке, напротив лютеранской церкви Петра и Павла. О семье Каган см. Б. Янгфельдт, „К истории отношений В.В. Маяковского и Л.Ю. Брик“, *В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930*, Стокгольм 1982.
3. Лили вышла замуж за Осипа Максимовича Брика зимой 1912 г.
4. Илья Машков (1881–1944) – художник, член об-ва „Бубновый валет“.
5. Александр Александрович Осмеркин (1892–1953) – художник, в 1917 г. написал портрет Иды Хвас, который экспонировался впервые на 5-й Государственной выставке картин (1918–1919) под названием „Портрет дамы с афишей“ (см. кн. *Русский портрет конца XIX – начала XX века*, М. 1980).
6. Художник В. Г. Фриденсон, участник первой выставки „Бубнового валета“ (1912). Сохранился его портрет работы Маяковского (1915 г.?). См. Н. И. Харджиев, „Из материалов о Маяковском“, *Ricerche Slavistiche*, Vol: XXVII–XXVIII, 1980–81, стр. 279–80.

7. У.А. Каган был присяжный поверенный и уделял большую часть своего времени проблеме правожительства евреев. См. дальше прим. 13.
8. В августе-октябре 1914 г. Маяковский делал надписи и рисунки для изд. Сегодняшний лубок. Такие лубочные плакаты рисовали, кроме Маяковского, К. Малевич, А. Лентулов, Д. Бурлюк, В. Чекрыгин и И. Машков.
9. Мать Эльзы, Е.Ю. Каган, была профессиональной пианисткой, и Эльза тоже была очень музыкальна.
10. Начало стихотворения „Послушайте!“, напечатанного впервые в *Первом журнале русских футуристов* (март 1914).
11. На самом деле Маяковский начал служить в армии только 8 октября 1915 г., т.е. после описываемых дальше событий.
12. Георгий Богданович Якулов (1884–1928) – художник и театральный оформитель; входил в группу „Голубая роза“, годы 1912–1913 провел в Париже.
13. У.А. Каган умер не в июле, а в июне. Ср. некролог в журн. *Еврейская неделя*: „В Москве 13-го июня скончался присяжный поверенный Урий Александрович Каган. Покойный был одним из видных знатоков т. наз. еврейского права. В его обширной клиентуре преобладающим контингентом были евреи всех сословий и положений; его кабинет был открыт для них во все часы дня и ночи, никогда и никому не отказывал он в совете и помощи. Покойный был членом юридической консультации при „Обществе распростран. правильных сведений о евреях““ (1915:5, 21 июня, стр. 34).

Ср. также неопубликованные воспоминания Л.Ю. Брик 1929 г.: „Папа из-за своего еврейства ходил в помощниках 25 лет и в окружном суде за

него выступали его помощники, давно уже присяжные поверенные. Отношение к еврейству у меня было болезненное с самого начала.“

14. Лили не только слышала о Маяковском, но присутствовала – вместе со своим мужем – на вечере, устроенном 7 мая 1913 г. в честь К.Д. Бальмонта, вернувшегося из эмиграции. „Мне и Брику все это понравилось, но мы продолжали возмущаться, я в особенности, скандалистами, у которых ни одно выступление не обходится без городского и сломанных стульев [. . .]“ (Л.Ю. Брик, „Из воспоминаний“, альм. *С Маяковским*, М. 1934, стр. 60).
15. С.Б. Гурвиц-Гурский, инженер. Весной 1919 г. читал доклад о заводской терминологии в Московском Лингвистическом Клубе.
16. Кто скрывается по инициалом И., неизвестно. Ср. письмо III.
17. См. письмо XI.
18. Цитата из стих. „Юбилейное“ 1924 г.
19. Владимир Иванович Козлинский (1891–1967) – художник, в 1911–1917 гг. учился в Высшем Художественном Училище при Академии Художеств. Козлинский – автор нескольких рисунков в альбоме *Герои и жертвы революции* (1918) с подписями Маяковского.
20. Поэма *Человек* была написана позже, в течение 1917 г.
21. Цитата из *Человека*. Поэма вышла в начале 1918 г.
22. Согласно воспоминаниям Л.Ю. Брик, „Футуристическая елка“ состоялась годом раньше, 31 декабря 1915 г. (Л.Ю. Брик, „Из воспоминаний“, альм. *С Маяковским*, М. 1934, стр. 67–68). Правильность датировки Л.Ю. Брик подтверждается письмом XIII, согласно которому Эльза вернулась в Москву

- 30 дек. 1916 г.; следовательно, она не могла участвовать в новогоднем вечере в Петрограде, если бы он состоялся в этом году. Кроме того, присутствовавший на этом вечере Василий Каменский в двух своих автобиографиях свидетельствует о том, что речь идет о встрече 1916 года. (См. *Его-моя биография великого футуриста*, М. 1918, стр. 159, и *Путь энтузиаста*. Пермь 1968, стр. 193 и дальше).
23. Михаил Алексеевич Кузмин (1875–1936) часто навещал „салон“ Бриков.
 24. Юрий Юркун (1893–1938) – поэт, друг Кузмина. Автор книги *Шведские перчатки* (1914) и др. Репрессирован.
 25. Выступление Маяковского, Каменского и Бурлюка в Казани состоялось 20 февраля 1914 г.
 26. Этот неосуществившийся роман имел еще одно предварительное название, „Дюжина женщин“ (Roman Jakobson, „Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak“, *Slavische Rundschau*, VII, 1935).
В середине 20-х гг. Маяковский задумал роман, посвященный „литературной жизни и быту, борьбе школ и т.д.“ с 1914 г. (см. *Книгоноша*, 1926:10). И этот замысел остался неосуществленным.
 27. Цитата из стихотв. Н.Н. Асеева „Заржавленная лира“ (1920). Ксения (Оксана) Михайловна Синякова (1900–1985) – жена Асеева.
 28. Избрание „Короля поэтов“ состоялось 27 февраля 1918 г.
 29. Стихи Александра Николаевича Вертинского (1889–1957).
 30. „Кафе поэтов“ находилось на углу Тверской и Настасьинского переулков. Кафе открылось осенью 1917 г. и было закрыто 14 апреля 1918 г. В марте 1918 г. Маяковский написал сценарий *Не для денег*

родившийся по роману Джека Лондона *Мартин Иден* и сам снимался в главной роли поэта Ивана Нова. Действие происходит частично в „Кафе поэтов“, но картина снималась не там, а в киностудии в Самарском переулке.

31. „Кафе Питтореск“ открылось 30 января (12 февраля) 1918 г. Маяковский выступал там неоднократно.
32. Р.О. Якобсон был другом детства и юности Эльзы, родители которой близко общались с семьей Якобсон. Совет Л.Ю. Брик „выйти за Рому“ имеет реальную подоплеку. В 1916–17 гг. между Якобсоном и Эльзой была „большая, горячая дружба“ (выражение Р.О. Якобсона в беседе со мной) и он ей предложил руку. Предложение это описано Эльзой в романе *Земляничка* (М. 1926) в гл. „Земляничка, выходи за меня замуж“ (стр. 88–90). Идентичность Ники романа и настоящего Романа удостоверена самим Якобсоном в разговоре с Л. Робелем (см. кн. *Jakobson, Cahiers Cistre 5, Lausanne 1978, p. 35*).

Любопытно, что именем Якобсона открывается и замыкается творческий путь Эльзы Триоле. Эпиграфом ее первой книги *Ha Taimiti* (Л. 1925) служит шуточное послание Якобсона по поводу ее предстоящего путешествия на дальний остров:

Не могу того таити,
Что люблю тебя сердешно.
Коль уедешь на Таити,
Буду плакать безутешно.
Р.Я.

Ссылкой на лингвиста Якобсона, о гениальности которого она писала в *Земляничке*, кончается последняя книга Эльзы Триоле, *La mise en mots*, Genève 1969.

33. Цитата из 14-й части поэмы *Хорошо!* (1927).

Указатель имен и произведений

- Анненков, Ю. 66
Альтман, Н. 66
Асеев, Н. 57, 73
- Бальмонт, К. 57, 72
Белый, А. 57
Блок, А. 57
Богатырев, П. 69
Богуславская, Кс. 66
Брик, Л. 7, 8, 13, 14, 18, 21,
43, 44, 48, 51, 54, 55, 56, 57,
58, 59, 63, 64, 65, 68, 69, 70,
71, 72, 74
Брик, О. 14, 51, 54, 65, 68,
70, 72
Брюсов, В. 57
Бурлюк, Д. 23, 55–56, 58, 66,
71, 72
- Вермель, С. 23, 66
Вертинский, А. 57, 73
Воронцов, В. 63
- Гнесина, О. 46
Горький, М. 66
Гринкруг, Л. 21, 65
Гумилина, А. 69
Гурвиц-Гурский, Ст. 51–52,
72
- Денисова, М. 16, 64
- И. 15, 16, 17, 52, 64, 72
- Каган, Е. (мать Эльзы) 7, 21,
28, 29, 43, 46, 47, 48, 51, 56,
59, 60, 67, 68, 70, 71
Каган, У. (отец Эльзы) 43,
45, 46, 47, 48, 51, 70, 71
Каменский, В. 16, 55–56, 57,
58, 64, 73
Кандинский, В. 66
Катанян, В. А. 67
Катанян, В. В. 63
Климов 58
Козлинский, В. 53–54, 57, 72
Колосков, А. 63
Крученых, А. 57
Кузмин, М. 55, 73
Кульбин, Н. 66
- Лентулов, А. 23, 66, 71
Лондон, Дж. 74
- Малевич, К. 71
Машков, И. 44, 70, 71
Маяковский, В.
Владимир Маяковский
(Трагедия) 64
Война и мир 33, 54, 57
Две сестры 57
Не для денег родившийся
58, 73–74

- Облако в штанах* 14, 49,
51, 52, 64, 67, 69
Послушайте! 49, 50, 71
Простое, как мычание 15,
64
Хорошо! 60, 75
Человек 54, 72
Юбилейное 53, 72
- Осмеркин, А. 44, 70
- Попова, Л. 66
Пуни, И. 66
Пушкин, А. 31, 68
- Северянин, И. 57
Синякова, О. 57, 73
Стеша 59
- Удальцова, Н. 66
- Фальк, Р. 66
Фриденсон, В. 44, 70
- Харджиев, Н. 70
Хвас, И. 43, 51, 70
- Хвас, А. 43
Хлебников, В. 55, 57
- Чекрыгин, В. 71
Черток, С. 63
- Шагал, М. 23, 66
Шиман, Э. 32, 68–69
Шкловский, В. 55
- Экстер, А. 66
- Юркун, Ю. 55, 73
- Якобсон, А. (мать Р. Якоб-
сона) 7
Якобсон, Р. 7, 8, 32, 60, 68,
69, 73, 74–75
Якулов, Г. 51, 58, 71
- Jangfeldt, В. 63, 70
Nilsson, N. 63, 70
Robel, L. 74
Rudy, S. 69
Triolet, A. 8, 58, 60

The correspondence between the Russian Futurist poet Vladimir Majakovskij and Elsa Triolet (Kagan), the sister of Lili Brik, adds important pieces to our knowledge of the poet during the early years of his career. It is also a complement to the more voluminous correspondence between Majakovskij and Lili Brik, edited by B. Jangfeldt and published in 1982 (*Stockholm Studies in Russian Literature* 13).

Almqvist & Wiksell International
Stockholm/Sweden

ISBN 91-22-01332-6